

У ЧЕХОВА в драматическом этюде «Лебединая песня» Василий Васильевич Светловидов, актер, комик, в ночь после своего бенефиса выходит на сцену театра, где прошла вся его жизнь, и вдруг ощущает себя актером куда большим, чем был до того, и на пустой сцене, при погасшем свете, для одного единственного зрителя — старика-суплера, ночующего в театре, читает монологи из любимых и известнейших пьес. Так проходит главная ночь в его жизни...

С Александром Федоровичем Борисовым мы договорились встретиться в театре. После репетиции. Было известно, что репетирует он чеховскую «Лебединую песню», и показана она будет впервые в день празднования его юбилея — семидесятилетия со дня рождения и пятидесятилетия творческой жизни. В одном театре. На одной сцене.

— Да, действительно, для своего юбилейного вечера я рискнул взять Чехова, его «Лебединою песню». Несколько увеличил монологи, исполняемые по пьесе, — тем самым получается полноценный одноактный спектакль. Ставит его режиссер Николай Шейко, оформил Март Китаев. И постановка, и оформление дадут, надеюсь, зрителю возможность окунуться в атмосферу старого театра, атмосферу, безусловно, по-особому поэтическую. Нам хотелось попытаться изобразить образцы старого метода исполнения, не стеснясь

смастиваться к каждому образу...

Долгие годы Александр Федорович играл лишь положительные роли. Отмечали особую «душевность», подлинную русскость тех людей, что сыграл он на сцене. Как-то не влезал облик этого человека с героями явно «отрицательными», и прошло немало сценических лет, прежде чем Леонид Сергеевич Вивьен попытался попробовать Борисова на роль Козловского в пьесе Симоньева «Русские люди».

— Образ Козловского явлен изначально — это предатель Родины. Леонид Сергеевич поручил мне эту роль, я, конечно, стал ее репетировать, а после и играть, но должен сознаться — ничего из этого не получилось. Наверное, необходимого мастерства у меня в те годы еще не было, «перестроиться» я не мог, и зрители после спектакля говорили, что им было меня очень жалко в тот момент, когда меня уводили на расстрел. Не меня, конечно, моего героя. Предателя — и жалко? Но ничего я не мог поделать, не получался у меня Козловский. Лучшее обстояло дело с образом предателя из горбатовской «Последней ночи». Думаю, что к тому времени у меня просто стало побольше мастерства. Но тем не менее мне всегда на сцене было ближе то, что совпадало с моим жизненным мироощущением. Главные мои и

школы. Я пошел в драму, он — в Консерваторию. Петь я люблю до сих пор. Но очень не люблю, просто не могу себя слушать. Мой голос мне не нравится. Хотя еще до сих пор получаю массу писем, просят: пойте. Простят романсы, песни в моем исполнении. Я за свою жизнь пел во многих спектаклях. И первый, кто заставил меня это делать, был Кожич. Кожич вставлял пенне в спектакль, я протестовал, бунтовал, но со временем понял, что это не просто украшает спектакль, но и помогает решению образа, внутреннему раскрытию мира героя. Что это своеобразный, органичный выход человеческой души.

Когда в моей жизни появился Сергей Александрович Сорокин, петь стал чаще, петь стало легче. Его гитара разговаривала, в романсе появлялись новые нюансы, мне ранее неведомые. С ним я не боялся выступать. Никто, какой, не понимал русский романс...

С песней связана и еще одна очень значительная страница жизни Александра Федоровича Борисова. Страница военная. В первые дни войны на Ленинградском радио появилась передача, которая называлась «Сеня Ястребов». Летчик Сеня, прилетевший с полей войны, рассказывал ленинградцам о фронтовых делах, пел песни, куплеты, исполнял сатирические сценки.

ПРИСМАТРИВАЙТЕСЬ К ЖИЗНИ!

той приподнято-романтической формы, в которой играли старые актеры.

Черкасов, Симонов, Толубеев, Честнов, Меркурьев... В этот блистательный ряд имен, навечно вписанных в историю советского театра, органично и естественно встает имя Александра Федоровича Борисова. Пятьдесят пять лет связан он с Театром драмы имени Пушкина. Здесь учился, здесь становился актером, и все разочарования, сомнения и победы связаны с ней — со сценой Александринки. Ей он не изменил ни разу. И потому, когда я спросила, какие в своей творческой жизни он может выделить этапы, Борисов честно признался, что этап-то, наверное, один. А все, что было, — отрезки пути, направленного к одной цели, подчиненного одному ритму и одной задаче...

— Учился я в классе знаменитого актера Юрия Михайловича Юрьева, и это определило всю мою дальнейшую творческую жизнь. Я сразу же был принят в труппу Александринского театра. Надо сказать, что тогда пробиться в ведущие актеры было очень трудно, намного труднее, чем сейчас. Мы очень долго, что называлось, ходили с подносом, привыкли к черной и такой пугающей яме. Тогда пьес ча молодежную тему не было вовсе. Поэтому молодые актеры редко могли понадобиться, в основном обходились без них. Афиногенов был первым, кто принес в театр пьесу на современную, «молодежную» тему — это была пьеса «Чудак». Главный герой там — Борис Волгин. Роль эту поручили мне. Критики считали, что получилось. Думаю, что если это так, то произошло оно потому, что существо роли с моим существом совпадало. Кстати, так бывало и дальше — удавались те роли, где имелось подобное совпадение. После Волгина меня зачислили в ведущую труппу театра. Должен сказать, что моему поколению пришлось играть самые первые советские пьесы — никакого опыта не было; как их ставить и как играть — не знали. Проблему эту решать пришлось нам...

А потом судьба свела меня с Борисом Михайловичем Сушкевичем — в его спектакле «Борис Годунов» я сыграл Самозванца. Другой большой режиссер — Владимир Платонович Кожич привил мне любовь к драматургии Островского. Ведь в те годы, о которых я сейчас говорю, к классике было отношение, мягко выражаясь, прохладное. И я был полностью подвержен этому отношению, Островского не понимал и не принимал. Мне казалось, что пишет он скучно, и никому это не нужно. И только благодаря Кожичу я ощутил огромную нужность того, что написал Островский, и глубину его, и широту...

Все критики сходились в похвалу молодому актеру: его Волгин стал приметой времени. Актер, как только что сказал Александр Федорович, был зачислен в основную труппу театра, и вдруг он сам просит дать ему бессловную эпизодическую, причем возрастную роль — роль старика-сторожа в пьесе «Нефть»...

— Я только что говорил о том, что советская драматургия делала в ту пору лишь первые свои шаги. Совсем не все, что писалось, было удачно. Множество пьес, как близнецов, походили друг на друга. Герои повторяли один другого. И мне стали предлагать роли одинаковые. Где-то в прессе уже появилась статья о том, что Борисов заштамповался, повторяет себя из спектакля в спектакль. Я не знаю, чья это была вина, наверное, моя. Может быть, и не только моя. Но все же я решил эту «кожу» с себя сшить, пока не поздно. Вот и взял роль старика — возрастная роль, пусть и очень маленькая, эпизодическая, дала ощутить себя совсем по-иному, появилась возможность пользоваться совсем иными красками. После этой роли стал внимательнее при-

**Воскресный
гость «Смены» —
лауреат
Государственных
премий СССР
и РСФСР,
народный
артист СССР
Александр Федорович
БОРИСОВ**

любимые герои несут людям добро, борются за это добро, проповедуют его и защищают. Вот тут мне легко...

В начале пятидесятых годов на экранах почти один за другим прошли два фильма из тех, что называют «фильмами о великих людях». Первый был об Иване Павлове, второй — «Мусоргский». И академика и композитора — столь разнотипные, но столь схожие лежащие в своей основе гуманистической идеи роли — сыграл Александр Борисов.

— Я часто удивляюсь, почему сегодня почти не снимают биографических фильмов. Они так необходимы зрителям. Молодым зрителям. Ведь тут огромный воспитательный материал — и масштабы мышления, и высокая внутренняя культура, и любовь к Отечеству, и служба Отечеству. Все те качества, которые нам так необходимо воспитывать в современниках. Возможно, в те годы, о которых мы сейчас говорим, таких фильмов было чересчур много, сейчас же их нет совсем.

Помню тот момент, когда Григорий Львович Рошаль пригласил меня на роль Павлова. Я прежде всего достал труды ученого, стал читать. Меня поразили масштабы его личности, но никаких внутренних соответствий я не нашел. А я уже говорил, что могу играть только тогда, когда нахожу эти соответствия. И я отказался от роли. Отказался еще и потому, что были живы друзья Павлова, люди, близко знавшие его. Я знал, что они будут смотреть придирчиво и не будут узнавать, и будут недовольны. Мне от этого становилось очень страшно. Но Рошаль меня уговорил. Проба была удачной, и я стал сниматься. Было это непростое — тем более если учесть, что на протяжении фильма проходила вся жизнь ученого — от первых юношеских шагов до последних дней.

А потом был Мусоргский. Тут — другое. Характер композитора был мне чужд, но взгляды его я разделял полностью. Его борьба за национальную русскую музыку, против ненужных ей влияний была мне понятна и дорога, и я взялся за эту роль. Все вокальные куски в «Мусоргском» озвучивал сам. Это смущало поначалу: мой лирический тенор никак не соответствовал тому бархатному баритону, который, по свидетельству современников, был у композитора. И все же решили оставить мой голос — для того, чтобы музыка в фильме рождалась органично, соответствовала моменту творчества. А поначалу «Блоху» хотели озвучивать пластинкой Шалапина. Но тут — готовый вариант, а ведь в фильме Мусоргский «Блоху» только пишет...

Голос Александра Федоровича знаком не только любителям академической сцены, но и поклонникам русского романа. Есть пластинки, есть радиозаписи...

— Музыкой я никогда не занимался специально. Но с раннего детства пел. Моим большим детским другом был Василий Павлович Соловьев-Седой. Вместе с ним мы с самыми отчужденными лет горячей любовью любили песню. Наши пути разошлись после средних

Сеней Ястребовым был Борисов. Его голос уже хорошо знали ленинградцы, его появления в эфире ждали с нетерпением. Именно он, Сеня Ястребов, впервые исполнил ставшую впоследствии знаменитой песню Соловьева-Седого «Играй, мой баян»...

— Настало время театру эвакуироваться в Новосибирск, и с Сеней мне пришлось расстаться. Но в Новосибирске режиссер радиокомитета Владимир Павлович Лебедев предложил новый вариант передачи. Теперь нас было двое: Илья Шмельков — артист нашего театра Константин Игнатьевич Адашевский и Кузьма Ветерков, в роли которого выступал я... С самых первых военных дней, помню, мучило меня одно большое сомнение. Нужны ли артисты, когда — война? Зачем мы, когда такое печко вокруг? И знаете, эта передача убедила меня в том, что нужно, обязательно нужно делать то, что мы делаем. Сначала наша передача выходила по понедельникам в шесть часов вечера. Но пришлось перенести ее на воскресенье, потому что в понедельник в шесть все бросали работу и шли к радиоприемнику. Чуть позже из этих передач мы сделали концертную программу, с ней и выехали на фронт, в особую сибирскую дивизию. Тут-то я вполне и ощутил нашу необходимость фронту. Наше призывное слово к победе поднимало дух у бойцов, которым назавтра, может быть, снова идти в бой...

Когда молодой Александр Борисов делал первые шаги на Александринской сцене, на эти же подмостки каждый вечер выходили те, кто прославил этот театр, кто в те годы был его корифеем — Ю. М. Юрьев, В. А. Мичурин-Самойлова, И. Н. Певцов, Е. П. Корчагина-Александровская, Б. А. Горин-Горинянов, Л. О. Малинин. Сейчас в Театре имени Пушкина много молодых. Александр Федорович Борисов для них — один из тех мастеров, чья творческая жизнь целиком и неразрывно связана с этим театром. Он передает новому поколению эстафету, которую принял в свое время у великих мастеров русской сцены.

— Много лет назад Юрий Михайлович Юрьев написал на портрете, подаренном мне: «Труд — наполовину гений, как сказал Сальвини. Помните и мой завет — завет первого вашего учителя: будем работать». Обращаясь сегодня к молодым, я целиком присоединяюсь к словам Юрьева. Хотя думаю, что работать сегодня молодежи сложнее, чем было нам в свое время. Ведь культура зрителя неизмеримо возросла, и актер, взвешивая ответ на серьезные вопросы времени, должен очень многое пережить, узнать, обрести, чтобы иметь право каждый вечер выходить к рампе. Но я хочу передать молодым то, что в свое время получил от великих наших мастеров. Потому призываю — присматривайтесь к жизни, учитесь вникать в самые тонкие ее вопросы, благороднее относитесь друг к другу и, главное, помните: став актером, вы уже живете не для себя, вы живете для других. И если кому-то то, что вы делаете, вдруг поможет и вам скажут за это спасибо, тогда знайте: цель ваша достигнута...

Т. ОТЮГОВА